

В новом фильме под названием «Семь стихий», который ставит режиссер Геннадий Иванов, она... инопланетянка по имени Аира. Что же это такое — встретиться на съемочной площадке с фантастикой?

И роль-то в этом фильме у заслуженной артистки РСФСР Любови Виролайнен не центральная, не главная. Зато интересная. Она рассказывает о том, как искала манеру поведения своей появившейся на Земле неземной героини, как подбирала не только костюм, придумывала, какой должна быть внешность. Как пришла к мысли, что надо отказаться от умело положенного, яркого грима, длинных ресниц: «Просто — чисто вымыть под краном лицо и тоненько-тоненько черным вокруг глаз». Тут важно быть не поражающе красивой, а странной. Вроде бы такая, как все на нашей планете. Но нет, совсем иная. Говорит — странный голос. Смотрит — странный взгляд...

Слушаю этот увлеченный монолог и вспоминаю актрису во многих, очень многих ролях (а их сыграно за недолгий в общем-то срок 35).

Пожалуй, первое, что бросается в глаза: в каждом фильме она всякий раз другая, с иной индивидуальностью, с своей манерой существования. Запоминается ее холодно-спокойная красота. Только так ли это на самом деле? Хотелось бы вспомнить, подумать...

Как правило, в жизни известного артиста кино какая-то одна работа становится центральной, иначе говоря, эталонной: от нее ведется отсчет, по ней судят обо всем, что сделано в дальнейшем. Такой стала для Любови Виролайнен роль Марии

в фильме С. Герасимова «Любить человека».

Пожалуй, тут сразу сработали две неожиданности: внезапность ситуации киноповествования, когда в первую же встречу серьезный, немногословный, не столь уж и молодой герой предлагает по существу незнакомой женщине стать его женой. И внезапность впечатления от

юной, почти никому не известной актрисы.

Итак, известность к Любови Виролайнен пришла после фильма «Любить человека», второй ее работы в кино. Первая — «Дорога домой» режиссера А. Суриана — прошла менее заметно для широкого зрителя, хотя на конкурсе мосфильмовских картин артистка была

удостоена первого приза за исполнение женской роли.

Теперь, вспоминая, как трудно было ей, начинающей, не слишком умелой, она улыбается, разводит руками:

— Сниматься у режиссера Герасимова — одно это уже счастье. И Мария необычный женский характер, в котором и твердость, и нежность, и что-то таинственно нераскрытое... Такое было огромное желание работать. А как подойти к роли — не знаю, и все тут! После первых съемок говорю Сергею Аполлинариевичу: «Нет, нет, это не моя роль!».

Но когда такой мастер, как он, уверен в обратном, происходит то, что и должно произойти: все-таки роль становится «твоей». Нелегким был этот период в работе. Люба Виролайнен с отчаянием восклицала: «Я вам все загублю!», а Сергей Аполлинариевич Герасимов терпеливо, настойчиво заставлял артистку работать, пробовать, вспоминать что-то из того, что ею пережито. И однажды все изменилось.

— Это был эпизод, где я танцую «Казачок». Слышу привычное: «Внимание, мотор, начали!», и вдруг я — как в омут, нет не падаю, будто ввысь лечу в этом танце. Кончился дубль —

вся съемочная группа мне захлопала. Они же за меня переживали, видели мою неуверенность в себе. Дубль, следующий эпизод, снова дубль... А в конце, когда устала так, будто меня наизнанку вывернули, режиссер мне и говорит: «Не дрожи. Все остальное тоже сдела-

ешь». Я и перестала дрожать. Это было как чудо.

...В первые дни войны погиб на фронте ее отец, в эти же дни бомба попала в один из домов пригорода Смоленска, где жила их семья — мать с тремя, мал мала меньше, детьми. Как все они выжили, как их мама помогала партизанам, была арестована фашистами при выполнении задания, чудом осталась жива и по одному с неимоверными трудностями разыскала своих детей — обо всем Люба знает понаслышке. Самой младшей, ей тогда не было и годика.

— Света у нас не было. Мы едим, а с потолка падают серые мокрицы. Это еще хорошо, когда есть что-то из еды. А если нет ничего, совсем ничего, знаете, как мама поступала? Посадит нас рядышком один к одному, наденет свое нарядное платье, ярко-красно намажет губы, в руках гитара, начинает играть и петь, рассказывать смешное. Нам она так говорила: «Ну уж если голодно, значит, надо веселиться!». С детства это у меня осталось: хочу стать такой, как мама. Ведь если бы не война, быть бы ей артисткой. Она об этом мечтала. Но война мечту отобрала...

Зато в школе у Любы не было кружка, в котором бы она не участвовала. И пела, и танцевала, и декламировала, была капитаном волейбольной, а также баскетбольной команд.

Актрисой стала, считает, исключительно благодаря своим учителям. Первым учителем был Георгий Александрович Товстоногов, у него

на курсе училась не только сценическому мастерству. Вбирала, впитывала в себя все многообразие знаний. Понимала: повышение культурного уровня — это самая большая необходимость. Знала: если этот «уровень» на нулевой отметке, ни человек, ни творчество не состоятся. Сложилось так, что, окончив учебу в институте, она лишь недолгое время была артисткой знаменитого Ленинградского Большого драматического. Но работа с Товстоноговым оставила след на всю жизнь.

А затем на следующем «витке» судьбы, при вхождении в сложности киномира, иллюзорно-блестящего, а на деле жесткого к артисту, особенно новичку, — работа с таким художником, как Герасимов.

Разными по значимости и по объему были работы Любови Ивановны Виролайнен в таких картинах, как «Возьму твою боль», «Ленинградцы, дети мои», телесериал «Вечный зов». Но в каждую из этих ролей артистке хотелось вложить все свое умение, в каждой поведать о том, что наложило неизгладимую печать на жизнь отдельного человека и всех людей поколения ее отца и ее мамы, их близких, друзей.

Заключительным аккордом этой темы можно назвать роль разведчицы Анны в фильме режиссера В. Георгиева «У опасной черты». Молоденькая советская девушка, которую, по ее словам, «в институте хорошо выучили немецкому языку», заброшена во вражеский тыл,

туда, где на людях исследуется действие отравляющих веществ и химического оружия. Ей приходится быть свидетельницей того, что делают фашистские ученые с «подопытным материалом» — советскими пленными. И вот последние кадры фильма: Анна разоблачена, ей предстоит погибнуть в газовой камере.

— Знаете, что со мной было, когда снимался этот эпизод? Я вхожу в бутафорскую камеру смерти. Мне надо оглянуться, посмотреть в «глаз» кинокамеры, а это значит — в глаза будущих зрителей. Все, как всегда. И вдруг в какой-то миг словно удар по сердцу: ведь это я, я переступаю порог, за которым конец. Оглядываюсь — и чувство такое: все, что за моей спиной, отрезано раз и навсегда. Неужели сейчас, сию минуту оборвется моя, лично моя жизнь?!

Когда Любови Ивановне задают естественный, закономерный для успешно снимающейся артистки вопрос о ролях не сыгранных, но желанных, ей не нужно время для раздумий. Она точно знает, что ей интересно.

— Не так давно мне предложили и я охотно согласилась сыграть роль секретаря горкома в фильме «Дело для настоящих мужчин» (режиссер В. Пономарев, студия «Беларусьфильм»). Эта небольшая роль интересна была тем, что надо раскрыть личность увлеченную и самобытную. Мою героиню волнует все, что происходит в городе. Я старалась показать ее человечность. И мне

очень хотелось бы, что-то в себе преодолевая, сыграть женщину-руководителя, раскрыть разные стороны такой крупной личности.

...Когда артист, вживаясь в образ, вкладывает все наблюдения, весь свой жизненный опыт, в эту копилку, естественно, прибавляется и то, что свойственно самому человеку. А как же иначе? Любови Ивановне Виролайнен в жизни присущи мягкость и жизнерадостность. Казалось бы, разве из такого «материала» должен слагаться облик волевого руководителя работника? Только ведь и эти стороны души необходимы при подходе к людям. А волевое начало — что ж, на то артист и есть артист!

Думается, стремление уйти в своем актерском мастерстве от «верняка», от уже наработанного во что-то иное, еще не использованное, не до конца найденное — в этом есть смелость. А смелость часто бывает залогом успеха.

Напоследок задаю такой вопрос:

— Когда-то Анну Маньяни спросили: «Чему вас научила жизнь?». Она ответила: «Терпению». А что бы вы на это ответили?

— Во-первых, я могу лишь мечтать приблизиться к актерам такого масштаба, как Анна Маньяни. Ну, а жизнь, она подтверждает нехитрую, но важную истину: чем больше отдаешь, тем больше получаешь...

Евгения КАБАЛКИНА.
● Заслуженная артистка РСФСР Любовь Виролайнен.
Фото В. Плотникова.

«Чему вас научила жизнь?..»